

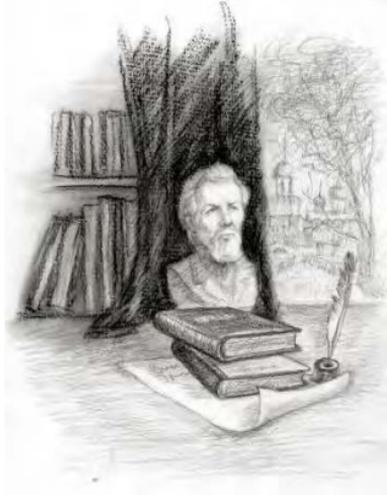
*В память об отце
Олеге Александровиче Крестьянкине.
К 85-летию со дня его рождения*

Детство мое пришлось на то время, когда отголоски войны, спустя полтора десятилетия, уже не были слышны. Советский Союз, благодаря совместным усилиям граждан, довольно быстро восстал из руин. Наше государство открыло космическую эпоху — став первым в освоении космоса.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что 7—9-летние пацаны и девчонки мечтали стать космонавтами. Всем казалось, раз дверь открыли, то в течение десяти лет мы начнем осваивать Луну и ближайшие планеты: Марс, Венеру...

Многие хотели быть врачами, учителями, строителями, крановщицами и водителями. А дети военных видели себя, конечно же, летчиками, танкистами, подводниками, разведчиками.

Я, в отличие от других, мечтал стать журналистом. Почему?— загадка для самого себя. Ни в роду, ни в близком окружении у меня не было ни одного знакомого, владеющего пером. С корреспондентами общаться не доводилось, так как мы — дети военнослужащих жили в основном в военных городках, которые располагались в лесистой

---

* Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

местности, и порой до цивилизации приходилось добираться на автобусах.

Конечно, все выписывали газеты и журналы, а вот телевизоры черно-белые были не у многих.

Но почему-то мечтал я о журналистике.

Мне нравилось участвовать в создании стенгазеты — писать заметки о школьной жизни, рассказывать интересные случаи, делиться наблюдениями за животными. Но все это уже выходило за рамки журналистики и называлось писательским творчеством. Кроме того, я познавал азы стихосложения и из под моего пера выходили рифмованные строчки. Мне нравилось сочинять сказки и добрые, светлые истории с хорошим окончанием.

В глубине души мечтал стать писателем, после того как наберусь опыта в журналистике, но это было очень глубоко и никому про такое не рассказывал.

Такие мечты, наверное, появились благодаря книгам, которые окружали меня с детства.

Книг у нас было великое множество: исторические романы, все произведения классиков, приключения, фантастика и научная фантастика, всевозможные словари, справочники и энциклопедии, сказки, стихи... Вместе с ними здесь находились журналы: «Юность», «Роман-газета», «Новый мир», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер».

Мой отец — Олег Александрович являлся истинным целителем хорошей книги.

Надо сказать, что отец был кадровым военным — после школы, в конце 40-х годов, поступил в военное училище и, окончив его, стал офицером Советской армии. Всю жизнь посвятил служению Родине и защите ее от врагов.

Он не был коллекционером, в том смысле, который вкладывался в это слово — не искал старинные, дорогие, редкие книги, хотя в нашей библиотеке встречались издания XIX века, и была одна книга, очень потрепанная — ровесница Пушкина, — изданная в год его рождения в XVIII веке и называлась «Брынский лес». О чем она — не знаю, так как читать написанное по-старому, с «ятями» сложно и муторно, особенно в юношеском возрасте, когда душа рвется к поискам приключений.

Мы играли в индейцев, лазили по деревьям, строили смотровые на-

блюдательные пункты в ветвях, изучали близлежащие леса — составляли подробные карты, забредали на старые водочапки и котельные и чувствовали себя первооткрывателями новых земель. Забрасывали в пруды Германии и затопленные подвалы разрушенных домов веревку с крюками и магнитами и частенько выуживали трех- и четырехгранные штыки от ружей и каски немецкого образца. Штыки были покрыты ржавчиной, в некоторых местах проеденные насквозь, но иногда удавалось освободить их от ржавчины и даже частично отполировать.

Дух приключений и романтики вселялся в нас конечно же из книг Фенимора Купера про индейцев, из «Всадника без головы», «Трех мушкетеров», «Графа Монте Кристо», произведений Стругацких, Ивана Ефремова, Конан Дойля, Рэя Брэдбери — все эти книги и многие другие находились у отца в библиотеке.

Любовь к печатным изданиям отцу передалась по наследству. Он с детства видел, как его отец и дед приобретали журналы и книги и, прочитав, не выбрасывали, не передавали кому-либо, а ставили на полку в шкаф. Периодически доставали их оттуда, перечитывали сами, давали читать детям, друзьям. В то время это и библиотекой назвать нельзя было — всего-то несколько десятков книг и журналов XIX — начала XX века. Но за то время, пока маленький Олег подрастал, количество печатной продукции увеличилось в несколько раз, и теперь она занимала большой книжный шкаф до потолка с десятью полками.

Спустя некоторое время сначала дед, а затем и отец ушли в невозвратные дали. Особых капиталов они не нажили, да и когда? Сначала — революция, затем войны: Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая... А богатством они считали книги. Внуку и сыну завещали любить, ценить и беречь книги, журналы, альманахи, не за дорогой переплет или красивую обложку, а за содержание, считая их кладью мудрости и знаний. С детства они приучили отца и двух его сестер к бережному отношению к книгам. Был даже составлен целый свод правил, как обращаться с литературой, написанный чернилами красивым почерком, который затерялся во времени. Спустя пару десятилетий отец по памяти восстановил основные пункты этих правил и сделал памятку уже для нас — своих детей и друзей. Правила были просты. «Перед тем, как взять книгу, — помой руки — они могут быть не грязными, но — жирными. Обложку обязательно оберни бумагой,

дабы она не затиралась, и случайно на нее не капнуть. Перелистывая страницы, не слюнявь пальцы. Если перестал читать, то для запоминания страницы не загибай ее угол — используй закладку. Не читай книгу во время еды — это и на здоровье пагубно отражается, и книгу заляпаешь. Не клади на подоконник под солнце печатное издание — выцветают страницы. Не читай лежа — и листы мнутся, и зрение портишь». Вот часть тех правил, которые сейчас пришли мне на ум. Помню, у отца памятка висела на шкафу и состояла более чем из двадцати пунктов.

После школы поступил в летное военное училище и успешно его окончил. Женился. И началась кочевая жизнь — каждые несколько лет переезды на новое место службы — военные городки в лесу, аэродромы. До школы, порой, приходилось добираться на автобусе. Нас — детей военнослужащих возили специальным рейсом. В каждом новом месте жительства появлялись друзья, школьные товарищи и просто приятели. Они очень удивлялись, когда заходили в гости и видели такое изобилие типографской продукции. Конечно, они становились читателями нашей семейной библиотеки. Ведь в обычной библиотеке надо записываться в очередь и ждать, когда она до тебя дойдет, чтобы получить заветную книгу — всю потрепанную и с рваными листами. А здесь, пожалуйста, тебе и Дюма, и Конан Дойль, Дрюон, Ефремов, Казанцев и кое-что из Стругацких, исторические романы, воспоминания, приключения, фантастика, все произведения классиков, которые изучают в школе.

Тут надо пояснить, что в 60-х—70-х годах прошлого столетия купить в магазине хорошую книгу было проблематично. В лучшем случае они там появлялись, но тут же, мелькнув, исчезали с прилавков, и их можно было купить уже из-под полы. Некоторых авторов власть опасалась — вроде бы пишут фантастику, но уж очень она реальной получается и ложится на сегодняшний день, а значит, будоражит умы людей. Нет, этих именитых авторов, конечно же, печатали, но старались издавать их в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт», растягивая роман или повесть на несколько номеров и в сокращенном варианте. Такое практиковалось с братьями Стругацкими. Или выпускали книги в других республиках: Молдавии, Казахстане, Литве, либо — за Уральскими горами и малыми тиражами — подалее от Москвы и центральной России. Этому подвергался

Иван Ефремов. Но в целом книги все равно доходили до читателей, и кто хотел — мог найти, достать и прочитать.

Жизнь военных — постоянное движение. Только обустроишься, привыкнешь к городу, познакомишься с людьми, обретишь друзей, а тебя уже направляют в другую часть. И ты собираешь чемоданы, упаковываешь коробки, перевязываешь книги, прокладываешь тряпками и бумагами каждую тарелку и чашку, чтоб не разбились, заказываешь трех- и пятитонные контейнеры и укладываешь в них вещи. Отправляешь тихой скоростью по железной дороге на твое место службы, а с собой берешь лишь самое необходимое.

Часть зарплаты отец тратил на приобретение книг. Договаривался с продавцами книжных магазинов; ходил по рынкам; рылся в букинистических магазинах; ездил в Москву на знаменитый Кузнецкий мост, где торговля печатными изданиями была поставлена на широкую ногу, соблюдая конспирацию, как у разведчиков, иначе угодишь в милицию за спекуляцию; покупал у друзей и знакомых, иногда за бутылку водки, иной раз ему дарили, а бывало просто отдавали — рваную и без обложки.

В 80-х годах появились специальные приемные пункты макулатуры «Стимул», куда можно было принести 15-20 килограмм бумаги или картона и на обмен получить талон с названием дефицитной книги, которую выкупали в книжном магазине. Этим, как нам говорили, мы сохраняем деревья от вырубки. Отец, конечно же, подключился к процессу, и я ему в этом помогал. Уж не знаю, сколько нам с отцом удалось спасти деревьев, но книг мы выкупили более двадцати.

И вновь контейнеры. Упаковываем вещи. Переезжаем.

Отслужив 26 календарных лет, отец демобилизовался и вышел на пенсию. Но какой из него пенсионер — ему не было и пятидесяти лет — конечно, пошел работать. Уже будучи пенсионером, трудился еще в течение пятнадцати лет.

Ставшему гражданским отцу пришлось привыкать к новой жизни. Нужно было учиться ложиться спать, не думая о том, что ночью могут объявить тревогу, придется спешно собираться, хватать тревожный чемоданчик, с самым необходимым, который у офицеров всегда находился рядом, и бежать в расположение части, так как это может оказаться не учебная тревога. Такое уже было в 1968 году в Чехословакии.

Постепенно жизнь вошла в стабильный режим, и отец стал пополнять свою библиотеку новыми типографскими изданиями. Он подпи-

сался на 200 томов Большой Всемирной литературы, двухтомники Пушкина и Маяковского и на некоторых других авторов. Превратился в постоянного клиента букинистического магазина. Какой радостью светились его глаза, когда он приходил домой и показывал цветной шеститомник стихов Сергея Есенина или четырехтомник Альфонса Доде, басни Сергея Михалкова или прозу Юрия Бондарева, Василия Белого, Михаила Булгакова...

Вскоре я заметил на столе у отца, где он обычно подклеивал страницы ветхих книжек не только клей ПВА и папиросную бумагу, но и шило, молоток, нитки, кусочки картона, цветную бумагу, рулоны кожзаменителя и, как говорил отец, «ледерина» или «лейдерина». Я даже не знал, как пишется это слово. Мало того, что отец в домашних условиях научился профессионально делать обложки для книг, не имеющих их совсем, прошивал тома суровой ниткой, чтобы ветхие листы не рассыпались, но он еще приобрел аппарат для выжигания, золотистую и серебряную специальную бумагу, словно копировальную и делал оттиски — подписывая книги, которые уже восстановил. И каждое отремонтированное издание у него получалось все лучше и аккуратнее. Он словно вдыхал в них новую жизнь. Для восстановленных томов отец купил еще одну полку и ставил их отдельно, любуясь проделанной работой, и с гордостью показывал свое детище родственникам и друзьям. Более пятидесяти книгам отец восстановил обложки, и это не считая тех изданий, которым требовался мелкий ремонт — подклеить рваный листик или отпечатать на пишущей машинке и вклеить недостающий текст.

Книги с трудом помещались в трех шкафах до потолка и семи полках, и это не считая журналов, альманахов и всевозможных альбомов, которые располагались в платяных шкафах и антресолях.

Все издания отец расставлял, как в настоящей библиотеке, по жанрам. В одном шкафу — фантастика и приключения, в другом — пару полок занимали стихи, чуть ниже — современные прозаики, на отдельных полках — книги для детей, словари и справочная литература.

Отец мечтал, что его труд по подбору литературы для домашней библиотеки не пропадет даром и прививал нам любовь к книгам. И мы с детства читали их взахлеб. Мало того, ко мне приходили друзья, школьные товарищи, институтские знакомые и тоже с удовольствием пользовались коллекцией отца. Я даже в библиотеках: школьных, рай-

онных, городских был очень редким посетителем, так как почти любую книгу, любые произведения классиков, изучаемых в учебных заведениях, отыскивал в собранной библиотеке у отца. Так что мечта моего отца сбылась — его труд не пропал даром, а оказался востребованным: и дети читали и до сих пор читают, и, самое главное, внуки, когда подросли, тоже продолжили эту славную традицию — читать настоящие книги. Хотя наступил век компьютеров и интернета и любое произведение можно скачать и ознакомиться, но внуки все равно покупают бумажные книги и радуются, когда им дарят друзья типографские издания.

За свою жизнь отцу удалось собрать около десяти тысяч книг, журналов, альманахов. Будучи военным, переезжая с места на место, приходилось оставлять старые стулья, мятые тазы, кастрюли с отбитой эмалью, поломанные игрушки, но ни одной книги или журнала отец не оставил и не выбросил. Отец считал это настоящим богатством, но не в денежном эквиваленте — за сколько можно продать дефицитную книгу, — а богатством, из которого состоит внутренний мир человека.

В конце 70-х годов прошлого века отцу предлагали продать его коллекцию за хорошие деньги или поменять на автомобиль «Волга» ГАЗ-2410 (а в то время это была престижная машина). Да, соблазн был велик, но отец не раздумывал ни минуты — отказался. Он сказал, что это труд всей его жизни и его мечта, чтобы эти тома прочитали дети и затем передали внукам и правнукам.

Отца уже давно нет с нами, а мечта его исполнилась, и память о нем живет. С удовольствием наблюдаю, как жена перечитывает рассказы Чехова, сын вникает в «Мастера и Маргариту», дочь восторгается «Маленьким принцем». И сам открываю томик Достоевского и растворяюсь в его времени.

Я представляю, как бы радовался отец, когда бы увидел, что меня печатают в журналах, альманахах, сборниках, как бы бережно он перелистывал мои собственные книги, изданные в типографии, и как бы он ждал мне руку, поздравляя со вступлением в Союз писателей России. Он бы с гордостью пополнил свою библиотеку книгами сына.

Жаль, что он не дожил до этого времени, но я уверен — отец был бы счастлив.